
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Сорж Шаландон. Сын негодяя: Роман / Пер. с фр. Н. Мавлевич.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. — 304 с.

Сорж Шаландон (р. 1952) — хорошо известный во Франции журналист и писатель. Он освещал конфликты в Ливане, Сирии, Северной Ирландии, Афганистане и Ираке. С середины нулевых пишет книги. В «Сыне негодяя» он впервые соединил магистральные для себя темы: Вторую мировую войну, предательство и отношения с отцом. Повествование ведется от первого лица, люди, описываемые в романе, действительно жили, а события, о которых идет речь, почти правдивы. Идет двойное расследование. Одно — почти документальное. По сюжету романа рассказчик возвращается в родной Лион в мае 1987 года, чтобы освещать процесс над Клаусом Барби (1913—1991) — нацистским преступником, шефом гестапо города Лиона, известным зверской жестокостью. Он лично пытал многих героев Сопrotивления, отдавал приказы о расстрелах и депортациях, в том числе о депортации еврейских детей из французской деревушки Изьё (под Лионом), где размещался приют для детей, чьи родители-евреи находились в немецких концлагерях. В апреле 1944 года по доносу все обитатели приюта — 44 ребенка и 7 работников — были арестованы гестаповцами и отправлены в лагерь смерти. Из всех депортированных детей выжила только одна девочка, ее освободила Красная армия в январе 1945 года. С посещения рассказчиком этого страшного места начинается роман. С. Шаландон присутствовал на процессе Барби и писал репортажи о нем для газеты «Либерасьон». Самыми сильными и горькими сценами в книге являются показания свидетелей-потерпевших, рассказ 86-летней француженки, участницы Сопrotивления, которую после ареста лично пытал Барби, поименно зачитанный в зале суда список детей приюта Изьё. Настоящими обвинителями на процессе стали матери, потерявшие своих детей. Барби приговорили к пожизненному заключению. Параллельно большой истории в романе разворачивается камерная история отца и сына, который в десять лет услышал от деда: «Ты сын негодяя», ибо он во время Второй мировой войны был «не на той стороне». А на какой? На протяжении многих лет отец обманывал собственного сына: перед маленьким мальчиком выставлял себя героем Сопrotивления; повзрослевшему сыну признался, что во время войны служил в войсках СС, уточнив: за пределами Франции. Потом «проговорился», что защищал бункер Гитлера вплоть до 2 мая 1945 года. Во всех своих красочных воспоминаниях отец оставался героем. На протяжении всего романа рассказчик ведет мысленный разговор со своим отцом: «Ты бы сказал мне, где ты был в свои 22 года, когда Барби и его псы вытаскивали детей из их Дома в Изьё. И еще раньше. Что ты делал в ноябре 1942-го, когда немцы, захватив свободную зону, вошли в Лион? Что такого ты в них увидел? Начищенные до блеска сапоги? Мундиры победителей? Чеканный шаг по улице Республики? Танки на мостовой Гамбетта? Что ты о них подумал? Чем они тебе понравились? Что заставило тебя примкнуть к ним, вместо того чтобы бороться против них? Почему ты стал предателем, папа?» Он наблюдает за реакциями отца на судебном процессе Барби, где зрителем присутствует и отец. Ведет реальные беседы с отцом, уличает, спорит, негодует. Он получил доступ к заведенному в конце войны судебному делу отца,

что хранилось в архиве на севере Франции. В конце концов ему удастся проследить жизненный путь отца в молодости. Парень без образования и убеждений, лжец и манипулятор, его отец в юности прошел войну играя. За четыре года он надел пять мундиров, дезертировал из четырех разных армий — то он носил повязку со свастикой, а завтра становился патриотом. Его манили приключения. «Ты упивался ими, не думая о добре и зле, предательстве или патриотизме. Менял военную форму, как театральные костюмы, выдумывая каждый раз новую роль и каждый раз переписывая сценарий... Ты ведь, по сути, был ребенком, папа. Изворотливым, как деревенский проказник, который что-то натворил и смылся от жандарма, — изворотливым, но ребенком. Четыре года войны были для тебя большим школьным двором, где так хорошо резвиться. Игрой на переменке. Сбегал из французской армии, из „Триколора“, из NSKK, как школьник сбегает с уроков». Ему было все равно, на чьей стороне воевать — французов, немцев, американцев или коммунистов, лишь бы стать героем. Этот роман, где большая история смыкается с малой, личная память с коллективной, особо актуален сегодня. В нем ставится вопрос о позиции рядового европейца в годы катастрофических потрясений. Иррациональное поведение юнца, каким был отец рассказчика в годы войны, отразило растерянность, неготовность обывателя разбираться в природе добра и зла и выбирать «правильную» сторону. И сын, испытывая сложную гамму чувств к отцу, чьи тайны он открыл, — от злости до жалости, от сострадания до бешенства, — осуждает отца не за его беспорядочные метания во время войны. А за то, что тот вышвырнул его в жизнь опутанным ложью, «как мусор без проблеска света и капельки истины». Роман С. Шаландона «Сын негодяя» попал в длинный список Ясной Поляны 2024 года и считается самой неожиданной французской книгой о Второй мировой войне. В книге заявлены две позиции. С одной стороны в зрелом возрасте, оправдывая себя в глазах сына, отец заявляет: «Помни, что во время войны один процент французов сотрудничал с немцами, один процент сопротивлялся, а девяносто восемь сидели с удочкой». А вспоминая свою молодежную бунтарскую организацию, С. Шаландон пишет: «У нас, в отличие от немецких, итальянских или японских товарищей, не было ни нацистов, ни фашистов, ни ослепленных восходящим солнцем, и наше прошлое овеяно славным Сопротивлением. Наши отцы и матери прогнали Гитлера и его орды, Петена и его орды. Мы — дети победы и гордимся этим. И я, сын предателя, аплодировал со всеми вместе легенде о наших отцах». Французы в поисках своей исторической идентичности. Шаландон пишет лаконичным журналистским стилем, умело, мастерски выстраивает композицию, держа читателя в напряжении. Финал неожидан.

Александр Белинский. Два лика одного века. Тема с вариациями.

СПб.: Петрополис, 2024. — 181 с.

XIX век в судьбе России навсегда останется как время, в котором пересеклись судьбы двух личностей, по которым этот век стал называться, с одной стороны, пушкинским, а с другой — николаевским режимом. Пушкин и император Николай I были почти ровесники: их рождение разделяло всего три года. Правда, Александр Сергеевич прожил 37 лет, а император, правивший Россией 30 лет, скончался в 60. В литературе давно утвердилось мнение о негативном отношении русского царя к поэту. Такая оценка господствовала не только в советской историографии и литературоведении, но была распространена уже в самом XIX веке. Хотя были и их опровергающие ее мнения. С помощью писем и свидетельств современников Александр Белинский стремится показать, насколько неоднозначны были отношения царя и поэта. В августе 1826 года Николай прибыл на коронацию в Москву, уже 8 сентября 1826 года в Чудовом монастыре состоялась первая встреча поэта с императором. Уже позади восстание 14 декабря, следствие над его участниками. «Нельзя сказать, что Николай совсем не понимал и не любил поэзию, но так как он всю

жизнь помнил о грозном декабристском каре на Сенатской площади, то в любой поэзии искал прежде всего тайные мысли, направленные против самодержавия. При этом царь хорошо знал, какую огромную силу в обществе представляют собой поэтические строки. В дни своей коронации император приказал доставить в Москву из села Михайловское опального поэта Пушкина. Главная причина этого распоряжения состояла в том, что во время следствия над декабристами стихи поэта находили в бумагах едва ли не каждого заговорщика. Императору надо было лично увидеть автора этих стихов и, в зависимости от того, как будет вести себя поэт, решить, что с ним сделать: казнить или помиловать». После встречи с Пушкиным император в тот же день на балу сообщил присутствующим: «Господа, я сегодня беседовал с одним из умнейших людей России — с Пушкиным!» С этой беседы начался диалог в письмах, длившийся десять лет, до самой смерти Пушкина. Участвовало в этом диалоге и третье лицо: «отеческая» переписка царя и Пушкина шла через шефа жандармов Бенкендорфа, который служил рупором идей и мнений Николая. Человек деятельный, жесткий исполнитель, всецело преданный императору, свою задачу он видел в неусыпном надзоре за поэтом. Порой Николаю I приходилось корректировать ситуации, возникшие при попустительстве Бенкендорфа, так по велению царя были остановлены нападки на поэта со стороны Булгарина. Царская опека распространялась и на творчество поэта: Николай Павлович пытался по-своему направить его поэтическую музу на службу правительству. Действительно, все было неоднозначно. С одной стороны, запрет публикации трагедии «Борис Годунов» (разрешение печатать ее последовало только после женитьбы Пушкина как своеобразный подарок к свадьбе), лишь после смерти поэта увидела свет и поэма «Медный всадник». Были и другие ограничения. В то же время по воле царя Пушкин был допущен в архивы для сбора материалов по истории Петра I и истории пугачевщины и получил разрешение печатать «Историю пугачевского бунта» без цензуры и на казенный счет. Неоднократно царь принимал участие в решении финансовых проблем поэта при его жизни, после смерти распорядился оплатить долги поэта (92 500 рублей) и позаботился материально о его жене и детях. Разбирая письма поэта, царя, Бенкендорфа, А. Белинский вместе с поэтом проходит весь его жизненный путь от 1826 года до последних дней поэта, отмечая тяготы «царской милости». Гнетущее чувство вызвало у Пушкина открытие, что его письма перлюстрируются. Взбешен он был Высочайшим указом о пожаловании титулярного советника Александра Пушкина в звание камер-юнкера, несолидного для его возраста. Это звание налагало на поэта и обязанность присутствовать на всевозможных приемах, молебнах и тому подобных дворцовых торжествах, — и это после двадцати лет относительной независимости от казенных мероприятий. После мучительных раздумий последовала переписка с Бенкендорфом о возможной отставке. Было и письмо поэта Бенкендорфу об анонимках и их авторе, по мнению Пушкина — Геккерне. А. Белинский подробно освещает предшествующие дуэли события. Он пишет о том, что царь хорошо знал всю интригу, которую развязали враги поэта, и мог бы только угрозой высылки голландского посланника Геккерне предотвратить смертельную дуэль. Но не сделал этого. «Исследователи русской литературы иногда видят причину гибели поэта в этом равнодушии русского императора. Но такая оценка упрощает ситуацию, приведшую к гибели поэта, в которой виновны и царь, и Бенкендорф, и петербургское общество и даже друзья поэта». А. Белинский считает, что Николай I, уверенный в своем всезнании и всемогуществе, не мог понять и по-настоящему ценить поэта. В книге дан весьма нелюбимый портрет императора: формирование его характера в детстве и юности; «испытание» декабрьским восстанием; отношения с поэтом; бесславные результаты его царствования. Хронологически выверенная сюжетная линия прерывается «размышлениями по поводу»: о независимости поведения поэта при первой встрече с императором; о том, что собой представляла Наталья Николаевна,

и ее внутреннем мире; о том, была ли любовная интрига между женой поэта и Николаем I и об отношении царя к Наталье Николаевне и Пушкину. А. Белинский отмечает неочевидное: присваивая молодому поэту придворное звание камер-юнкера, царь не намеревался его унижить, а следовал четко усвоенному им самим правилу — давая чиновнику очередное звание, строго соблюдать установленный Табелем о рангах порядок, согласно которому никогда не перескакивать при назначениях через чин. Размышляет о стихотворении «Клеветникам России»: негативно воспринятое большинством друзей и знакомых поэта, сегодня, на взгляд человека, живущего почти два столетия спустя, очевидца нынешней оголтелой ненависти Западной Европы к современной России, свидетельствует о том, что Пушкин с исторической точки зрения был более прав, чем его друзья, упрекавшие его в «квазипатриотизме».

Юрий Нежинский. Массонский Петербург. СПб.: Нестор-История, 2023. — 336 с.: ил.

Над этой книгой историк Юрий Нежинский работал десять лет: следовало проштудировать бесчисленные первоисточники, массу научной и псевдонаучной литературы, придать серьезному исследованию занимательность и поведать, как масонство повлияло на историю Санкт-Петербурга и политическую жизнь России. И повлияло ли? В книге две части, первая посвящена истории возникновения масонства и проникновения его в Россию: зарубежные и отечественные ложи, их связи, сходства и принципиальные различия, идеи, теории, которые вдохновляли масонов. Закономерно, что именно Петербург, столица Российской империи, где кипела политическая жизнь, на два века стал сосредоточением отечественного масонства. И именно в Санкт-Петербурге разворачивается действие книги. Автор приглашает читателя в конкретную петербургскую ложу, знакомит с ее устройством: с действующими лицами, с порядком заседаний, с элементами убранства. Знакомит с иерархией внутри масонских сообществ, с табелями и катехизисом для учеников и знаниями, доступными масонам высших степеней, с масонскими ритуалами и таинствами, паролями и шифрами. А также раскрывает тайны алхимии, астрологии, каббалы, карт Таро и даже теургии. Эти «теоретические» познания согласуются с яркими историческими эпизодами. На основе архивных документов Ю. Нежинский реконструирует ритуал посвящения в масоны молодого офицера М. Олсуфьева, вступающего в ложу по поручению главы Тайной канцелярии графа А. Шувалова, которого интересовало, не ведет ли эта группа подозрительных сектантов, то есть «вольных каменщиков», разведку в помощь англичанам. Картина разнузданной шутовской свадьбы князь-папы А. Бутурлина, максимально публичной, состоявшейся в 1721 году на центральной петербургской площади — Троицкой, служит доказательством того, что Петр I не примкнул к масонам во время своего путешествия в Европу, настолько придуманный им свадебный ритуал противоречил обычаям и обрядам раннего масонства. Сцена, где Екатерина II, прогуливаясь по Эрмитажу, рассматривает полотно Рембрандта «Давид и Ионафан» с изображением иерусалимского храма, служит прологом к расшифровке символов и смыслов, связанных с храмом Соломона. Через всю книгу проходит череда знаменитых петербургских масонов в действии. Вместе с лидером русского масонства И. Елагиным мы постигаем каббалистическое знание. С графом А. Строгановым проводим опыты в алхимической лаборатории, устроенной в его дворце на Невском проспекте. Алхимическими опытами занимаемся и под руководством А. Лабзина в доме на Васильевском острове. Благодаря дошедшему до нас розенкрейцеровскому рецепту можно представить, какие именно эксперименты ставили Лабзин и Строганов. А. Куракин, русский, дипломат 23 лет, вернувшись из Стокгольма, основал в Петербурге рыцарское масонство, — автор дает возможность ознакомиться с документами, переданными Куракину его швед-

скими братьями. «Начало XIX века считалось золотым веком русского масонства. На Васильевском острове Лабзин вел занятия в масонском университете, На Невском проспекте граф Строганов породил гомункулов в атаноре, в Михайловском замке кружилась Татаринова, а рядом с Театральной площадью Глинка лечил животным магнетизмом». Многие приходили в рыцарское масонство за роскошными ритуалами, нужными знакомствами, модным времяпровождением. Кто-то хотел истинных тайн, духовных откровений, которые могли быть явлены только в высших степенях. Подробно Ю. Нежинский пишет о роли масонства в жизни и творчестве А. Пушкина. Он считает, что степень влияния масонства на поэта была минимальной, типичной для интеллигента эпохи золотого века русского масонства, но пройти мимо масонства интеллигент этой эпохи просто не мог. Сквозной темой в книге является тема «императоры и масоны». Екатерина II, человек эпохи Просвещения, к масонству относилась плохо. Все туманное и оккультное претило ее рациональному сознанию. С масонством боролась не кнутом палача, а пером литератора, но жизнь заставила ее радикально пересмотреть свое либеральное отношение к братству. Это и попытка Мировича, в которой увидели масонский след, освободить Иоанна Антоновича из каземата Шлиссельбурга. И контакты через масонов Павла Петровича с прусским королем и герцогом Брауншвейгским, — за что просветителя Новикова, признали шпионом, готовым свершить масонский государственный переворот в пользу цесаревича, и отправили в шлиссельбургскую тюрьму. Придя к власти, Павел освободил Радищева и Новикова. И отдал предпочтение мальтийцам, враждебным масонам. После восстания декабристов, в котором с обеих сторон участвовали братья-каменщики, масоны почти на столетие ушли в подполье. И только в начале XX века вновь активизировались. Отдельная глава посвящена масонскому опыту М. Волошина и отражению этого опыта в творчестве поэта. Некоторую роль масоны сыграли в революционных событиях начала XX века, но советская власть не была к ним добра. Последних ленинградских эзотериков, имитировавших масонскую деятельность, арестовали в самом конце 1920-х годов. Остались только их символы. Вторая часть книги этим символам, запечатленным на зданиях и в интерьерах, на захоронениях в некрополе, и посвящена. Загадочные Лучезарные Дельты, циркули, наугольники, звезды, масонские и мальтийские кресты, масонский bestiary, иероглифы и пирамиды. История их происхождения, смысл, значение, где их искать в Петербурге. Ю. Нежинский развенчивает многочисленные мифы, окружающие историю масонства в России. Он считает, что если масонский след и есть в нашей истории, то очень слабый и изучать его надо с микроскопом. На самом деле все политические заговоры масонов в России всегда проваливались. На вопрос, было ли убийство Павла I организовано масонами, дает однозначный ответ: нет. Статистика свидетельствует, что и наиболее значимое событие в истории России XIX века — кровавые события 14 декабря 1825 года — нельзя назвать масонским заговором: масоны принимали участие по обе стороны и примерно в равных количествах. А Лучезарная Дельта, масонский символ, символизирующий Великого Архитектора Вселенной, наблюдающего за трудами вольных каменщиков — треугольник с расходящимися в разные стороны лучами, пришел в Россию с Петром I, вместе с приглашенными им зодчими: в европейской традиции этот знак был принят как символ Святой Троицы и широко использовался в архитектуре. Через сто лет он и в России воспринимался обычным и ясным символом Святой Троицы.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги